

**Дар
трактирной
ведьмы**

Алексей Орлов

Алексей Орлов

Дар трактирной ведьмы

«Автор»

2026

Орлов А. В.

Дар трактирной ведьмы / А. В. Орлов — «Автор», 2026

- Элира (21 год): Официантка и иногда повар в придорожном трактире «Серебряный лис». Не знает своих родителей, выросла у строгой, но незлой хозяйки заведения. Жизнь её — это бесконечная вереница грязных кружек, тяжёлых подносов и скудных монет. Но Она обожает слушать рассказы путешественников о далёких магических академиях и чудесных городах, мечтая об этом украдкой. Когда она особенно сосредоточена на готовке или мытье, предметы вокруг иногда... помогают ей. Нож сам нарезает овощи ровными ломтиками, вода из кувшина льётся тонкой струйкой, точно попадая в кружку. Она думает, что это просто ловкость рук и удача, и тщательно это скрывает.
- Лорд Каэлан д'Арвен (28 лет): Маг-аристократ, профессор престижной Академии Ветров и Звёзд. Путешествует инкогнито, предпочитая наблюдать за миром без герба на груди. Умён, утончён, но не высокомерен. Носит в себе усталость от придворных интриг и ищет в мире что-то подлинное. Обладает редким даром видеть «силовые линии» магии вокруг других существ.

Алексей Орлов

Дар трактирной ведьмы

Глава 1. Встреча.

День в «Серебряном Лисе» начинался не за долго до рассвета, со скрипа насоса и стука тяжелых ведер. Элира уже успела вымыть пол в общей зале, протереть липкие от вчерашнего эля столы и растопить огромный камин, в котором уже булькал котел с похлебкой. Воздух пах дымом, мокрым деревом и обещанием скучного, бесконечного труда.

Первые посетители – погонщики мулов – ввалились с шумом, требуя эля и завтрака. Элира, сноровисто перебирая кружки, уже чувствовала на себе их тяжелые, оценивающие взгляды.

– Эй, рыжая! – крикнул самый широкоплечий, хватая ее за запястье, когда она ставила перед ним миску.

– Что у нас сегодня сладкого, кроме твоей улыбки?

– Горькая репа и чёрствый хлеб, – холодно ответила Элира, выдергивая руку. Его кружка, стоявшая на краю стола, чуть качнулась, но не упала, будто невидимая рука её подтолкнула обратно к центру. Мужчина на мгновение отвлёкся на неё, и Элира успела отступить.

К полудню трактир наполнился. Она носилась между столиками, как заводная кукла: принимала заказы, уносила грязную посуду, гасила начинающиеся ссоры. И всё время её тело работало на грани чуда. Когда два купца заспорили так яростно, что один из них вскочил, опрокинув скамью прямо на её пути, Элира, нагруженная подносом с супами, лишь мысленно ахнула. И скамья, падая вдруг замедлилась и вернулась на место, что позволило ей пройти не потеряв ни капли. Она сама объяснила это удачей. Когда огромный пёс одного из постояльцев бросился за брошенной костью прямо под её ноги, глиняный кувшин в её руках стал вдруг невесомым, и она совершила головокружительный пируэт, избежав падения. «Просто я ловкая», – убеждала она себя, чувствуя знакомое легкое головокружение после таких «фокусов».

Ближе к вечеру, когда основная толпа поредела, на пороге появился Он.

Одинокий путник на хорошем, но усталом коне. Он не вломился, а как бы вплыл в сумрак трактира, отряхивая с плаща дорожную пыль. Элира, вытиравшая стойку, на мгновение застыла. Он был красив неброской, но совершенной красотой – резкие, будто высеченные черты лица, темные волосы, собранные у затылка, и взгляд... Взгляд был устремлен куда-то внутрь себя, на тысячу миль отсюда. Он выглядел так, будто его тело было здесь, а душа – в какой-то сложной, далекой книге или на поле недавней битвы.

– Добрый вечер, – сказала Элира, нарушая тишину. – Вам нужна комната?

Он медленно перевел на неё глаза. Серые, как зимнее небо перед снегом. В них не было ни интереса, ни высокомерия. Только глубокая, утомлённая рассеянность.

– Да, – был односложный ответ. Голос – низкий, приятный, но безжизненный.

– У нас есть две свободные. Окном на дорогу или на двор. На дорогу шумнее, но светлее.

– Без разницы, – он отвёл взгляд, снова уходя в свои мысли. Его пальцы нервно перебирали пряжку на сумке – тонкий, отточенный жест.

– Тогда на двор, – решила за него Элира, беря ключ. – Покажу вам. Ужин будете заказывать?

– Позже, – последовал ещё один короткий ответ.

Она взяла его небольшую дорожную сумку (кожаная, качественная, но без украшений) и повела вверх по скрипучей лестнице. Он шёл за ней, не замечая низких потолков, не глядя на потертые половицы. Его молчание было не грубым, а... отстранённым. Будто он был призраком в собственном теле.

– Вот ваша комната. Постель свежая, вода в кувшине. Туалет во дворе, – она перечислила всё автоматически, открывая дверь в небольшую, но чистую комнату с узкой кроватью и столом.

– Хорошо, – сказал он, проходя мимо нее и бросая сумку на стул. Он даже не осмотрелся. Подошел к окну, уперся руками в подоконник и замер, глядя в сгущающиеся сумерки.

Элира постояла в дверях, ожидая вопросов или хотя бы «спасибо». Но в комнате повисла тишина, напряженная его внутренней бурей. Ей стало неловко и даже чуть обидно – обычно мужчины хотя бы пытались с ней заговорить.

– Если что-то понадобится, я внизу, – наконец произнесла она, отступая.

– Мм, – последовал нечленораздельный звук, означавший, что он её услышал, но смысл слов не задержался в его сознании.

Она прикрыла дверь, оставив его наедине с его призраками. «Задумчивый какой-то, – подумала она, спускаясь вниз. – И очень одинокий». В его молчании не было пренебрежения к ней, служанке. Было что-то другое – рана, потеря или неподъёмная дума. И почему-то именно это, а не ухмылки погонщиков мулов, заставило её сердце сжаться странной, тихой жалостью.

А в комнате Каэлан д'Арвен, не обративший внимания ни на цвет волос служанки, ни на звук её голоса, наконец вздохнул и провел рукой по лицу. Проблемы в Совете Магов, интриги, давление семьи... Он приехал сюда, в эту глушь, чтобы побыть в тишине и всё обдумать. Последнее, о чём он думал сейчас, – что эта случайная трактирная мышшь может быть чем-то большим. Гораздо большим.

Он не видел, как внизу, когда Элира, расстроенная его холодностью, слишком резко трянула скатерть, чтобы стряхнуть крошки, все крошки разом дружно подпрыгнули и упали аккуратно в подставленный ею таз, будто повинясь неведомому ветерку.

Вечер в «Серебряном лисе» был шумным и душным. Элира ловко проскальзывала между столами, балансируя с подносом, на котором стояли три миски дымящегося рагу и кувшин вина. В углу, у камина, сидел незнакомец. Одет он был скромно, но добротной – дорогой плащ из тёмной шерсти, но без вышивки. Он наблюдал за суетой с лёгкой, отстранённой улыбкой.

Когда Элира несла его заказ – простой хлеб, сыр и кубок горячего сидра – она поскользнулась на мокром полу. Поднос пошёл кривь... но не упал. Чашки не закачались, кубок не пролил ни капли. Всё будто на миг застыло в воздухе, дав ей время перехватить равновесие. Она вздохнула с облегчением, списав это на чудо.

Но незнакомец замер. Его взгляд, до этого рассеянный, стал острым, как лезвие. Он не видел жестов, не слышал шёпота заклинаний. Но он увидел: когда девушка вскрикнула, от неё, будто круги по воде, пробежала тончайшая золотистая рябь, обнявшая поднос и удержавшая его силой чистой, неосознанной воли.

– Девушка, – тихо сказал он, когда она, покраснев, поставила еду перед ним. – Этот сидр... он пахнет яблоками с западных холмов. Только истинное чувство к продукту может так раскрыть его аромат даже в простом трактирном напитке.

Элира удивлённо подняла на него глаза. Никто никогда не говорил с ней о «чувстве к продукту». – Я... просто немного подогреваю его с мёдом и гвоздикой, – смущённо пробормотала она.

– Нет, – он отпил, глядя на неё поверх края кубка. – Это не «просто». Это маленькое чудо. Как и то, что вы не облили меня этим сидром пять секунд назад.

Она похолодела. Он что-то заметил.

Вечером, когда трактир почти опустел, он подошёл к стойке, где она мыла кружки.

– Меня зовут Каэлан, – сказал он. – И мне кажется, или вода сама стремится попасть в ваши руки, чтобы вы её растерели?

Элира отшатнулась, чуть не уронив кружку. – Я не знаю, о чём вы. Я просто умею мыть посуду.

– Вы не просто моете посуду, – его голос стал мягким, но настойчивым. – Вы разговариваете со стихиями. Без слов. Это редчайший дар – природная магия сердца. Её не учат по книгам. Её... чувствуют.

Он положил на стойку небольшой бархатный мешочек с вышитым серебром знаком: переплетённые ветер и звезда.

– Через год открывается набор в Академию Ветров и Звёзд. Там есть не только дети лордов. Там есть те, в ком горит искра. Как в вас.

Он увидел в её глазах не только страх, но и ту самую искру – жадный, подавленный, но живой интерес.

– Я уезжаю на рассвете. Но я оставляю вам это, – он указал на мешочек. – Внутри рекомендательное письмо с моей личной печатью и камень-проводник. Если решитесь... прикоснитесь к нему и представьте дорогу на север. Он покажет путь.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге обернулся.

– И, Элира? – он впервые назвал её по имени, услышанное от хозяйки. – В вашем рагу сегодня была нота тимьяна, собранного на рассвете. Это магия. Самая настоящая.

Хозяйка Агнесса, женщина с лицом, как печёное яблоко, и руками, сильными от долгих лет замеса теста, молча наблюдала, как Элира трижды за вечер перемыла один и тот же кувшин. Посуда давно была расставлена по полкам, огонь в камине притушен, но девушка всё металась по кухне, будто ища, куда бы деть свои вдруг ставшие беспокойными руки.

– Ну, хватит землю носом ковырять, – брякнула наконец Агнесса, ставя на стол две глиняные кружки с травяным чаем и тарелку с тёплым печеньем. – Садись. Говори. Кто этот постоялец, что тебя, как привидение, по трактиру гоняет?

Элира вздрогнула, опустила на скамью и сжала кружку в ладонях, греясь о её тепло.

– Он... не похож на других, Агнесса. Вообще не похож.

– Все мужики, милая, на одно лицо, когда голодны и усталы, – фыркнула хозяйка, но в её глазах светилось любопытство.

– Нет! То есть да, но... Он был будто не здесь. Всё тело тут, а сам – где-то далеко. Смотрел сквозь стены. Отвечал односложно, но не из-за спеси. Словно у него в голове такая буря, что до простых слов дела нет.

Элира принялась рассказывать: про его отстранённый взгляд, про сумку с непонятными символами, про бархатный мешочек, который она сейчас, как ожог, носила в кармане юбки.

– И он... он увидел, Агнесса. То, что я сама всегда списывала на ловкость. Он назвал это «даром». Природной магией сердца. – Голос Элиры дрогнул от смеси страха и восторга. – И оставил это. Говорит, если решусь... могу поехать учиться. В Академию Ветров и Звёзд.

Агнесса отложила свою кружку, и её лицо стало серьёзным. Она долго молчала, разглядывая девушку, которую растила с девяти лет.

– Академия, – наконец произнесла она. – Это далеко. Это другое. Там тебе не потакать будут, как я тут, когда ты посуду волшебным образом моешь. Там будут драть, как сидорову козу, чтобы из искры огонь раздуть. Или наоборот – затоптать, если не ихнего ты роду-племени. Ты готова к этому, девочка? Бросить свой кров, свою работу, знакомый мир?

– Я не знаю, – честно призналась Элира, и в её глазах стояли слёзы. – Мне страшно. Страшно, что я нищая служанка, и все будут надо мной смеяться. Страшно, что у меня ничего не выйдет. Но... – Она вытащила из кармана гладкий, тёплый камень-проводник. Он отозвался в её ладони лёгким, едва уловимым пульсом. – Но я же всегда мечтала знать. Знать, кто я, откуда эти... странности. И он сказал, что в моём рагу – магия. В моей уборке. В самой простой работе. Разве это не чудо?

Агнесса вздохнула, протянула руку и грубо, но с нежностью потрепала Элиру по рыжей пряди.

– Чудо ты моё ошалевшее. Конечно, чудо. Я-то всегда знала, что ты не простая. Кому ещё удаётся уговорить прокисшее молоко стать творогом за час или сделать так, чтобы хлеб никогда не подгорал? – Она помолчала. – Поезжай. Глаза у тебя горят, как у загнанной лисы, которая нору свою увидела. Только помни: какой бы магом ты ни стала, тут тебя всегда накормят и спать уложат. Этот трактир – твой якорь. Не теряй его.

Элира кивнула, глотая ком в горле. В этот момент дверь на кухню с шумом распахнулась, и на пороге возник Ярэк, сын местного мельника. Румяный, крепкий, пахнувший мукой и самоуверенностью.

– Элира! Агнесса! – он широко улыбнулся, держа в руках небольшой свёрток. – Принёс вам свежей муки, самого мелкого помола! И, Элира, завтра на ярмарку в Дубраву поеду. Место в телеге для тебя есть. Пирогов накуплю, музыку послушаем. Что скажешь?

Ярек уже полгода пытался добиться её расположения с упорством, достойным лучшего применения. Элира обменялась с Агнессой быстрым взглядом, в котором читалось: «Ну вот, опять».

Она встала, приняла свёрток с вежливой улыбкой.

– Спасибо, Ярек, мука нам всегда кстати. А вот насчёт ярмарки... боюсь, я занята.

– Чем это? – не сдавался парень. – Полы мыть? Да брось ты эту лоханку! Поедем, погуляем! Я тебя на карусели прокачу, выше колокольни полетишь!

– Ярек, милый, – сказала Элира, ставя муку на стол и поворачиваясь к нему с искренним сожалением. – Ты же знаешь, у меня тут целая магическая академия на носу. Летучее зелье не сварилось, дракон не приручен, звёзды не нанесены на карту. График, понимаешь, расписан по минутам. Никак не могу выкроить время на карусели, даже такие заманчивые.

Ярек заморгал, переваривая этот поток слов.

– Ты... ты чего это? О какой академии речь? Ты же тут, в трактире...

– Временное затмение разума, милый, – с лёгкой улыбкой парировала Элира. – Проходит, как только понимаешь, что настоящая магия – это не летать выше колокольни, а сделать так, чтобы похлёбка никогда не пригорала, а пиво всегда было холодным. За это, между прочим, тоже золотые монеты дают. Волшебные. Так что спасибо за приглашение, но мне надо – учить заклинание от скисания молока. Очень сложное.

Агнесса фыркнула в свою кружку, скрывая смех. Ярек постоял, покраснел, понял, что его аргументы рассыпались, как плохо замешанное тесто.

– Ну ладно... – пробурчал он. – Как знаешь. Тогда, может, в следующую субботу?

– В следующую субботу, Ярек, у меня практика по материализации чистых полотенец. Приходи, проверишь результат, – безжалостно, но беззлобно добила его Элира, открывая дверь на улицу ясным намёком.

Когда дверь за мельником закрылась, в кухне раздался сдавленный хохот Агнессы.

– Бедный парень. Ты его, как щенка, в лужу окунула. «Заклинание от скисания молока»! Ай да дочка, ай да расмешила!

Элира улыбнулась, но её глаза снова были серьёзны. Она посмотрела на камень в своей руке, потом – на доброе, морщинистое лицо Агнессы.

– Я правда поеду, – тихо сказала она, уже не сомневаясь.

– И правильно сделаешь, – кивнула хозяйка. – А этого болвана Ярека здесь всегда ждут. Хлеб он печёт отменный. Но для тебя, я вижу, нужен человек... чья буря посильнее будет, чем в его квашне. А по поводу денег не бойся соберу тебе немного в дорогу, на пару месяцев хватит а дальше видно будет. Ты главное ничего не бойся!

Элира сжала камень. Где-то далеко на северной дороге, маг Каэлан д'Арвен, возможно, уже забыл о рыжей трактирной служанке. Но путь был указан. И её сердце, наконец-то услышавшее зов, билось в такт с пульсом магического камня – ровно и решительно.

Глава 2. Дорога.

Прошел год. Год, наполненный не только привычной работой, но и тайными, трепетными экспериментами. Элира училась прислушиваться к тихому голосу своего дара. Теперь, когда она сосредотачивалась, вода в кувшине не просто лилась – она могла закрутиться в изящную спираль, прежде чем наполнить кружку. Тесто под ее пальцами поднималось ровно и пышно, будто заряженное солнечным светом. Она научилась чуть-чуть направлять эту силу, все еще боясь ее, но уже с растущим любопытством. Камень-проводник, спрятанный в изголовье кровати, иногда по ночам светился мягким теплым светом, напоминая о данном себе обещании.

И вот этот день настал.

Утро в «Серебряном Лисе» было непривычно торжественным и немного грустным. Элира спустилась вниз в своем единственном хорошем платье – темно-синем, простого покроя, но отглаженном до хруста. За спиной у нее болтался скромный холщовый ранец с самым необходимым: смена белья, теплый плащ, немного еды, заветный бархатный мешочек и завернутый в тряпицу кусок домашнего хлеба от Агнессы.

Трактир, обычно в это время еще сонный, был полон. Пришли не только постоянные завсегдатаи, но и те, кто просто слышал историю о «нашей ведьмочке, что в большую академию едет». Были здесь и погонщики мулов, теперь смотревшие на Элиру с уважительным недоумением, и старый шорник Мирон, и жена кузнеца Марта с пучком защитных трав «от сглазу».

– Ну, выглядишь, как настоящая ученая девица! – крикнул кто-то из толпы.

– Только не зазнайся там, Элька! Не забудь, как кружку держать! – добавил другой, и все засмеялись доброжелательно.

Ярек стоял в сторонке, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Он выдвинулся вперед и, краснея до корней волос, протянул Элире маленький, грубо вырезанный из дуба амулет в виде колоска.

– Это... на удачу. Чтобы... не голодала там. И помнила про хорошую муку.

Элира приняла подарок с искренней улыбкой. Все обиды и досада давно ушли.

– Спасибо, Ярек. Обязательно вспомню. И за муку спасибо – без нее хлеб бы не получился.

Агнесса же царил в центре этой суеты. Ее лицо было непроницаемо, но глаза блестели подозрительно влажно. Она командовала парадом:

– Мирон, ты проверил упряжь у Гнедка? Марта, куда ты суешь эти травы, они же в сумке завалятся! Подожди, я мешочек дам! Ярек, не топчись под ногами, иди помоги погрузить сундук!

Сундук – старый, дубовый, когда-то принадлежавший самой Агнессе – был основным сюрпризом. В нем лежало не только скромное приданое Элиры, но и целый месячный запас

заготовок впрок: вяленое мясо, сушеные ягоды, варенья, пряники – «чтобы меньше ела ты там ихнюю магическую бурду, от которой только живот крутит».

– Агнесса, я же не на край света еду, – пыталась возразить Элира, глядя на гору провизии.
– Молчи! – отрезала хозяйка. – Там, в этих ваших столицах, цены – сами знаете какие. И маги, я слышала, народ скупой. Все на золото меняют, а на простую еду скупаются.

Наконец, все было готово. На улице уже ждал небольшой, но крепкий торговый караван, направлявшийся в столичную провинцию. Старший караванщик, бородатый и суровый на вид, уже получил от Агнессы подробнейший инструктаж и увесистый кошель «за присмотр». Он кивал, поглядывая на Элиру с интересом: «Так ты и есть та самая, к магам? Ну, смотри у меня, не балуйся в пути».

Настал момент прощания. Толпа притихла. Элира обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на низкие, знакомые до боли своды трактира, на закопченный камин, на стойку, которую она отдраивала тысячу раз. Горло сдавило.

Агнесса подошла вплотную, взяла ее лицо в свои твердые, шершавые ладони.

– Слушай меня, девочка, – сказала она тихо, так, чтобы слышала только Элира. – Ты там никому не обязана доказывать, что ты лучше. Ты уже лучшая. Потому что честная и руки у тебя золотые. Магия магией, а если сердце кривое – никакие заклинания не помогут. Учись. Смотри. И если что... если станет трудно, или обидят, или просто затоскуешь по нормальному супу – ты бросай все и возвращайся сюда. Здесь тебя всегда ждут. Не стыдись. Этот дом – твой. Поняла?

Элира не смогла сдержать слез. Она кивнула, не в силах выговорить ни слова, и обняла Агнессу так крепко, как будто хотела запомнить запах дрожжей, дыма и родной простой ласки навсегда.

– Ладно, ладно, хватит реветь, – Агнесса отстранилась, смахивая тыльной стороной ладони предательскую влагу с глаз. – Поезжай уже, а то караван уйдет. И смотри, передай этому твоему задумчивому лорду, что если он тебя обидит, у меня для него припасен котел с таким рагу, после которого он год будет в лягушку превращаться. Шутка. Но пусть боится.

Это заставило Элиру сквозь слезы улыбнуться. Она взобралась на повозку, устроившись рядом со своим сундуком. Караван тронулся. Она обернулась и махала рукой, пока знакомые лица, а потом и сам «Серебряный Лис», уютно притулившийся у дороги, не скрылись за поворотом.

Дорога лежала вперед, на север, туда, где среди облаков и холодных ветров пряталась Академия Ветров и Звезд. В ее ранец, среди скромных пожитков, лежали три самых важных вещи: камень-проводник, дубовый колосок от Ярека и незримая, но прочнейшая броня любви и веры, которую дала ей простая трактирщица. Элира сжала в кармане теплый камень и глубоко вдохнула. Страх никуда не делся, но его теперь уравновешивала твердая решимость. Она ехала не за славой и не за принцем. Она ехала за ответом. За тем, чтобы узнать, кто же она на самом деле.

Дорога растянулась в бесконечную ленту пыли, ухабов и переменчивых пейзажей. Первые дни Элира провела, почти не отрывая взгляда от мелькающих за повозкой полей и лесов,

погружённая в водоворот мыслей. Восторг от свободы и движения быстро сменился ледящей душу тревогой.

«А что, если он ошибся? – шептал навязчивый внутренний голос, когда в сумерках она прижималась к своему сундуку. – Что, если этот дар – всего лишь плод его воображения, а я, дура, бросила всё и поехала в никуда?» Она представляла себе ворота Академии, прекрасные и неприступные, и стражника, который смотрит на её замызанное платье и деревенский акцент, усмехается и говорит: «Убирайся, крестьянка. Здесь не место таким, как ты».

Потом страх сменялся вспышками дикого, почти ребяческого возбуждения. Она ловила себя на том, что разглядывает облака, пытаясь угадать в их очертаниях драконов или замки. Она вслушивалась в шёпот листвы у дороги, пытаясь уловить в нём магические слова. В её кармане камень иногда отзывался тёплой, обнадеживающей пульсацией, особенно когда они поворачивали на север. Это успокаивало.

Караван был её маленьким, мобильным миром. Пять повозок, нагруженных тканями, специями и металлическими изделиями, десяток бывалых торговцев и охранников, и она – единственная пассажирка, едущая «по своему делу». Сначала на неё смотрели с любопытством, но, узнав, что она едет «к магам», стали относиться с суеверной осторожностью, смешанной с жалостью.

На стоянках, когда разводили костёр и варили похлёбку, Элира не сидела без дела. Старые привычки взяли верх. Она незаметно помогала: когда вода в котелке закипала слишком медленно, она, помешивая похлёбку, незаметно направляла к очагу тёплый поток воздуха извне, и пламя вспыхивало ровнее и жарче. Однажды у молодого погонщика, Тома, разболелся зуб так, что он не мог есть. Элира, притворившись, что несёт ему миску с водой, незаметно опустила в неё пальцы, представив себе лёд и мяту, как делала для Агнессы при мигренях. Вода в миске стала ощутимо прохладнее и приобрела лёгкий мятный запах. Том прополоскал рот, боль утихла, и он смотрел на неё потом как на добрую фею.

– У тебя руки лёгкие, девушка, – сказал как-то вечером старый караванщик по имени Горн, наблюдая, как она ловко и быстро чинит порвавшуюся упряжь, шнурки в её пальцах будто сами собой заплетались в нужный узел. – Не только к магии, к делу тоже. Редко сейчас такое.

Но главные разговоры, от которых у Элиры ёкало сердце, начинались у костра, когда речь заходила о столице и Академии.

– Ветров и Звёзд, говоришь? – переспросил один из торговцев, Бартоломью, попыхивая трубкой. – Слышал, слышал. Башни такие, говорят, до облаков достают. Но найти её – задача не для простых смертных.

– Как это? – насторожилась Элира. – Разве она не в столице? Все знают, что она там.

– В столице-то она, – усмехнулся Бартоломью. – Но столица большая. А сама Академия... она скрыта. Говорят, для непосвящённого она – просто ещё один богатый квартал, ряд зданий. Идешь мимо и не знаешь, что за стенами – библиотеки с летающими книгами и сады с поющими цветами.

– Это защита, – вступил Горн, посапывая своей трубкой. – От любопытных, от врагов, от профанов. Без ключа не войти.

– Ключа? – прошептала Элира, непроизвольно сжимая в кармане камень-проводник.

– Ну, не железного ключа, – пояснил Бартоломью. – Амулета какого-нибудь, знака. Ученики и маги носят при себе что-то, что позволяет им видеть истинный путь. Без него будешь кружить вокруг да около, пока ноги не отвалятся, но ворот не увидишь. Слышал я историю про одного купца, который хотел сына пристроить. Денег тьма, связи. Долго искал вход, нанял проводников. В итоге нашёл какую-то контору по торговле редкими чернилами, а сына так и не приняли. Говорят, без Знака Пути – и шагу не ступить.

Элира почувствовала, как кровь отливает от лица. Значит, этот камень – не просто проводник, а тот самый «ключ». Без подарка Каэлана её путешествие было бы бессмысленным. Одновременно с облегчением пришла и новая, колючая мысль: а что, если он дал ей этот камень просто из вежливости, не веря, что она осмелится приехать? Что, если на входе её всё равно отвергнут, потому что у неё нет правильного амулета, а только какой-то непонятный камень от незнакомца?

Ночами, когда караван спал, а на небе сияли холодные, незнакомые звёзды, она доставала камень. Он лежал на её ладони, тёплый и живой. Она закрывала глаза и, как учил её Каэлан в той единственной короткой беседе, представляла себе дорогу. Не эту, пыльную, а иную – из серебристого тумана, ведущую вверх, к сияющим башням. Камень в её руке начинал светиться ровным, мягким светом, и ей чудился далёкий, едва уловимый звон, похожий на звук хрустального колокольчика.

«Он ведёт меня, – думала она тогда, и сердце замирало от смеси страха и надежды. – Он настоящий. И дар мой – настоящий».

Но каждый новый день пути приносил новые сомнения. Чем ближе они подъезжали к столице, тем больше Элира чувствовала себя букашкой, ползущей к ногам гигантов. Её простое платье, её манеры, её речь – всё выдавало в ней чужую. А без этого камня она была бы вообще никем. Нищей служанкой без будущего.

Однажды ночью, после очередного разговора у костра о неприступности магических гильдий, её охватила такая паника, что она едва не решила попросить караван развернуться. Она сидела, обхватив колени, и дрожала. И тогда в памяти всплыло лицо Агнессы, её последние слова: «Ты там никому не обязана доказывать, что ты лучше. Ты уже лучшая. Потому что честная и руки у тебя золотые».

Элира выпрямилась. Взяла камень и крепко сжала его. Нет. Она не повернёт назад. У неё есть этот камень. У неё есть дар, который заставлял воду плясать, а хлеб – подниматься. У неё есть упрямство трактирной служанки, которая за день выдерживала натиск десятка пьяных грубиянов. И у неё есть рекомендация от мага, который смотрел сквозь стены, но увидел её.

Столица обрушилась на Элиру шквалом звуков, запахов и невероятного людского муравейника. Караван медленно продирался сквозь узкие, кривые улочки, где здания в три-четыре этажа нависали так близко, что почти смыкались крышами, отрезая небо. Крики разносчиков,

лязг кузнечных молотов, ржание лошадей, запах горячего масла, конского навоза, специй и человеческого пота – всё это сливалось в один оглушительный, ошеломляющий гул.

Элира чувствовала себя слепым котёнком, потерявшим мать. Она крепче вцепилась в край повозки, глаза её были широко раскрыты от изумления и страха. Её скромный наряд и холщовый ранец выглядели здесь убого на фоне пестрых, хоть и не всегда чистых, одежд горожан.

Караван остановился на большом постоялом дворе «У Седого Коня» – грязном, шумном, но знакомом торговцам месте. Бартоломью, получив свою плату и дав последние наставления, похлопал Элиру по плечу:

– Удачи тебе, девушка. Ищи свою Академию. И смотри в оба – город он не только красив, но и зубаст.

Горн помог снести её сундук в крошечную, душную каморку под самой крышей, за которую она заплатила на неделю вперёд из скромных сбережений Агнессы. Оставшись одна среди чужих стен, под аккомпанемент доносящихся снизу пьяных песен, Элира испытала приступ острой тоски по тихому трактиру и знакомым лицам.

Но отступать было некуда. На следующее утро, спрятав самое ценное (мешочек с камнем и письмом) под одежду, она отправилась на поиски. Спрашивать у прохожих про Академию Ветров и Звёзд оказалось бесполезно. Одни пожимали плечами, другие указывали в разные стороны, третьи смотрели на неё как на дурочку: «Какая ещё академия? Иди на базар, деваха, работу ищи».

Она бродила до полудня, всё глубже погружаясь в отчаяние. Башни, которые она представляла себе, виднеющиеся над городом, нигде не было. Только бесконечные крыши, шпили церквей и дым заводских труб.

Усталая и голодная, она свернула в какой-то переулок, надеясь найти хоть какой-нибудь фонтан, чтобы напиться. Переулок оказался тихим, почти безлюдным и почему-то чистым – подозрительно чистым для трущобного района. Элира остановилась, чувствуя внезапный холодок по спине. Камень под одеждой дрогнул, будто предупреждая.

Из тени глубокой арки вышли двое. Не грубые разбойники, а какие-то слишком опрятные, с пустыми глазами.

– Девушка, – сказал один, тонко улыбаясь. – Ты, кажется, потерялась. Пойдём с нами, покажем дорогу.

Его голос был масляным и неестественным. Элира отшатнулась.

– Нет, спасибо, я сама.

– Не отказывайся от помощи, – мягко настаивал второй, блокируя путь назад. В его руке что-то блеснуло – маленький жезл или острый стилет, она не разглядела. – У нас для тебя особое приглашение. Очень влиятельные господа интересуются... юными самоучками с яркой аурой.

Сердце Элиры упало. Охотники за талантами. Или похитители для чьих-то тёмных экспериментов. Слухи о таких вещах иногда доходили и до их трактира. Она попыталась отсту-

пить, но спина уперлась в холодную стену. Паника, острая и слепая, подступила к горлу. Она инстинктивно вцепилась в камень под платьем.

Помоги, – отчаянно подумала она, не к кому-то конкретно, а к самому камню, к своей силе, ко всему миру.

И чудо случилось. Не она его вызвала – оно пришло извне. Из-под ног похитителей внезапно выросла густая, цепкая трава, которой тут отродясь не было. Она обвила их сапоги, споткнув, задержав на критическую секунду. А из водосточного жёлоба рядом с Элирой хлынула струя грязной воды, ударив прямо в лица нападавшим, заставив их зажмуриться и отпрянуть.

Это было не её дело. Это было словно сам город – старые камни, проросшие семена в щелях, дождевая вода – на мгновение пришло ей на помощь, отзывавшись на её отчаянный, чистый зов.

– Колдунья! – прошипел один из них, вытирая лицо. В его глазах мелькнул не страх, а деловитая злость. Он сделал шаг вперёд, несмотря на траву.

И в этот момент в переулок, резко свернув с главной улицы, въехал всадник на вороном коне. Конь, почуяв неладное, встал на дыбы, издав громкое ржание. Всадник, одетый в тёмно-серый дорожный плащ, легко удержал седло.

– Что здесь происходит? – прогремел его голос, холодный и властный, начисто срезавший всю грязь и шёпоты переулка.

Элира подняла голову. Сердце замерло, а потом забилось с такой силой, что она едва не закричала. Под дорожным плащом, с лицом, отмеченным усталостью, но всё таким же острым и прекрасным, сидел Каэлан д'Арвен. Его взгляд скользнул по похитителям, и те, встретившись с ним глазами, замерли, будто уткнулись в невидимую стену. Потом его взгляд упал на Элиру. Сначала в нём было лишь раздражение и готовность вмешаться в уличную потасовку. Потом – секундное непонимание. И наконец – чистое, безоговорочное узнавание.

– Вы? – вырвалось у него, и весь лед в его голосе дал трещину, обнажив изумление.

Похитители, оценив ситуацию, отступили в тень арки и мгновенно растворились, как будто их и не было. Магия Каэлана, его вид и, возможно, его репутация в городе сработали лучше любой стычки.

Он спрыгнул с коня, не выпуская поводьев, и быстрыми шагами подошёл к Элире, всё ещё прижавшейся к стене.

– Вы... вы приехали, – сказал он, и это не было вопросом. Его глаза изучали её лицо, её испуганные глаза, её простую одежду. В них читалась буря: недоумение, досада на собственную недалёковидность («как я мог не предвидеть, что её будут искать?»), и что-то ещё, стремительное и тёплое, – облегчение.

Элира не могла вымолвить ни слова. Она только кивнула, глотая ком в горле, и нечаянно выпустила из рук камень. Он выскользнул из-под платья и повис на груди на тонком шнурке, слабо пульсируя в такт её бешеному сердцу.

Каэлан взглянул на камень, и его лицо смягчилось.

– Он вел вас. И защитил. Город услышал вас, – он произнёс это как констатацию факта, но в его голосе прозвучала едва уловимая нота... гордости? – Это редкость. Очень редкость.

Он огляделся, и его взгляд снова стал острым, оценивающим.

– Вы не можете оставаться здесь. И на том постоялом дворе, где, я полагаю, вы остановились, – тоже. Они теперь знают ваш след. – Он принял решение мгновенно. – Вы поедете со мной. В Академию. Сейчас.

Элира смотрела на него, всё ещё не в силах прийти в себя. От страха, от неожиданности, от того, что он здесь, реальный, и снова меняет всю её жизнь одним предложением.

– Но... мои вещи... сундук...

– Пришлют позже, – отрезал он, уже помогая ей взобраться на круп своего коня перед собой. Его движения были уверенными, быстрыми, не оставляющими места для возражений. – Сейчас главное – доставить вас в безопасное место. Пока не поздно.

Когда он сам сел в седло позади неё, окружив её руками, чтобы взять поводья, Элира почувствовала странное тепло и запах – не трактирный, не дорожный, а какой-то другой: холодный воздух высот, старое пергамент и что-то острое, почти электрическое. Магия.

Конь тронулся с места, вынося их из тёмного переулка на залитую солнцем улицу. Элира, сидя перед Каэланом, дрожала от пережитого потрясения.

– Спасибо, – наконец выдохнула она.

– Благодарите не меня, – его голос прозвучал прямо у неё над ухом, тихо и серьёзно. – Благодарите свой дар. Он кричал так громко, что его услышали за версту. И... – он сделал небольшую паузу, – благодарите себя. За то, что хватило смелости приехать.

Они ехали по городу, но теперь Элира не видела его ужаса. Она чувствовала за своей спиной твёрдую уверенность и видела перед собой дорогу, которая наконец-то вела куда нужно. Пусть она едва не стала добычей охотников. Пусть она была в простом платье и без гроша в кармане. Но у неё был камень. Был дар. И теперь, главное, был он – её молчаливый спаситель и проводник, нашедший её в самый тёмный час.

Глава 3. Академия.

Каэлан.

День после того, как он привез рыжую дикарку в Академию и сдал на попечение сестрам-экономкам, выдал форму и вписал в списки вступительных испытаний, Каэлан вернулся в свои покои. Высокая башня, холодный камин, безупречный порядок, нарушаемый лишь стопками фолиантов на массивном столе. Тишина.

Он подошел к узкому, арочному окну, за которым простирался вид на море крыш столицы и дальние заснеженные пики. Но он их не видел.

Он видел её лицо. В грязном переулке, искажённое страхом, но с твёрдым огнём в глазах. Он видел, как она сидела перед ним на коне, хрупкая и прямая, как тростинка, не сломавшаяся под напором столичной грязи. И он видел её год назад. В трактирном сумраке, с подносом в

руках, когда от неё, неискушённой, необученной, исходила такая чистая, такая природная сила воли, что она остановила падение посуды. Магия, не скованная ритуалами. Магия жизни.

Весь год эта картинка преследовала его. Он, Каэлан д'Арвен, наследник древнего магического рода, уставший от интриг Совета и пустоты светских раутов, нашёл в глухой дыре... что? Невинность? Чудо? Головную боль?

Он оставил ей камень-проводник почти на откуп судьбе. Часть его надеялась, что она не придет. Что она останется в своём безопасном трактире, выйдет замуж за какого-нибудь мельника и будет тихо творить свои маленькие кухонные чудеса, не зная, какая буря бушует в мире большой магии. Это было бы проще. Для него.

Но другая часть – та, что тосковала по чему-то подлинному, что не было прописано в гримуарах и не обсуждалось на советах, – эта часть надеялась. Тихо, где-то в глубине души. И когда сегодня, возвращаясь с доклада в Совете, он почувствовал в переулке знакомый, яркий, но панический всплеск природной магии, его сердце сжалось. Он вонзил шпоры коню, даже не отдавая себе отчета, почему это так срочно.

И он нашёл её. Охотники за талантами. Дрессировщики «диких» магов для тёмных аукционов или для частных армий. Обычное явление в подворотнях столицы. Но она – не обычная добыча.

Каэлан отвернулся от окна, его лицо стало жёстким. Он прошёл к письменному столу, достал лист плотной бумаги и принялся писать быстрым, чётким почерком.

«Главе Службы Безопасности Академии Ветров и Звёзд,
командору Ториану Вейлу.

Ториан,

Требуется немедленное и максимально деликатное расследование. Речь идёт о новой абитуриентке, Элире (фамилия неизвестна). Прибыла сегодня из провинции, из трактира «Серебряный Лис» на Южной дороге. Обладает необученным, но мощным даром природной, стихийной магии, проявляющимся в бытовых аспектах (контроль над водой, огнём, растениями).

Обстоятельства прибытия: была атакована в районе Змеиного переулка двумя неизвестными, предположительно, «ловцами». Отпор дала инстинктивно, призвав на помощь стихии города. Инцидент пресечён мной.

Причина для повышенного внимания: её манера речи, акцент (северный, горный, несмотря на южное происхождение), ряд фразеологизмов в её речи, которые я зафиксировал год назад, а также... неуловимое сходство. Я не могу отделаться от мысли.

Свериться с архивами по делу о разграбленном караване графа Ардиса из дома Валерьев, пятнадцать лет назад в ущелье Чёрных Скал. Вся семья предположительно погибла, тела младшей дочери, Лорелей, тогда так и не нашли. Возраст бы сошёлся. Графиня Эльвина Валерь, как известно, обладала редким даром «зелёного говора» – общения с растениями и духами природы. Дар Элиры... отзывается тем же эхом.

Расследуй. Проверь всё: могли ли выжившие слуги унести ребёнка? Куда они могли бежать? Почему осели именно на Южной дороге? Кто мог знать о её даре и пытаться устранить или заполучить её сейчас? Связь с сегодняшним нападением обязательна.

Это не просто любопытство. Если это она... то в наших стенах находится не просто одарённая дикарка, а наследница одного из древнейших и самых влиятельных магических домов, считавшаяся мёртвой. И её жизнь в опасности вдвойне: и как носителя дара, и как возможной претендентки на титул и земли, которые сейчас находятся под регентским управлением и которые многие хотели бы заполучить навсегда.

Докладывай лично мне. Конфиденциальность абсолютна.

К. д'А.»

Он запечатал письмо своей личной печатью – взлетающая птица, заключённая в кольцо из звёзд, – и позвал курьера. Пока тот бежал с посланием, Каэлан снова подошёл к окну.

Если это правда она... То он привёз в Академию не просто проблему. Он привёз бомбу, тикающую в самом сердце магической политики. И его интерес к ней из личного, почти поэтического любопытства к «дикому цветку», вдруг обрёл тяжёлую, опасную конкретику.

Он вспомнил, как она сегодня, уже в стенах Академии, смотрела на высокие своды библиотеки не с благоговением, а с практичной оценкой: «Здесь, наверное, сквозняк сильный. Дрова экономить можно». И он не смог сдержать улыбки.

Будь она проклятой графиней или простой служанкой – эта девушка была глотком свежего воздуха в его затхлом, предопределённом мире. И теперь ему предстояло не только учить её магии, но и, возможно, защищать её от всего этого мира. В том числе – от последствий её собственного, только что открывшегося прошлого.

Мысль об этом не пугала. Напротив, в нём зажёгся давно забытый азарт. Опасность придавала её образу новый, тревожный и бесконечно притягательный оттенок.

Элира.

Церемония Посвящения проходила в Большом Зале Звёзд, под сводами, расписанными движущимися созвездиями. Воздух дрожал от низкого гулко-го гула магических сфер, парящих под потолком, и пах ладаном, старым камнем и возбуждённой молодостью.

Элира стояла в ряду других новичков, облачённая в простую серую мантию первого курса. Ткань была грубоватой, но она гладила её скрытый край пальцами, наслаждаясь неожиданной мягкостью – маленькое чудо её новых «одежек». Она старалась смотреть прямо перед собой, на высокую кафедру, где Архимагистр произносил торжественную речь, но её глаза постоянно бегали по залу, пытаясь впитать всё это невозможное великолепие.

А потом она увидела его.

Каэлан д'Арвен стоял среди других магистров и профессоров на возвышении слева. Он был одет не в дорожный плащ, а в темно-синюю, почти чёрную профессорскую мантию с сереб-

ряным шитьем на вороте, изображавшим те же ветра и звёзды. Его волосы были убраны строже, лицо – замкнутее и официальнее, чем в переулке или в трактире. Он смотрел в пространство, казалось, полностью погружённый в свои мысли, отстранённый от суеты.

Но когда очередь новичков подошла ближе, и Элира, произнося свою клятву (голос дрожал лишь чуть-чуть), подняла глаза, её взгляд встретился с его.

Это было как удар током. Его отстранённость растаяла в мгновение ока. Серые глаза, холодные как лед, внезапно вспыхнули – не ярким пламенем, а скорее, глубоким, сдержанным сиянием, будто из-за туч выглянула луна. Он увидел её. Не абитуриентку, не возможную наследницу графского дома, а именно её – Элиру из «Серебряного Лиса», в нелепой большой мантии, с серьёзным лицом и пылающими от волнения щеками. В уголке его рта дрогнула – ей показалось, или нет? – едва заметная ниточка улыбки. И он слегка, почти незаметно, кивнул. Не как профессор студенту. Как союзник. Как тот, кто знает её секрет и охраняет его.

Сердце Элиры в груди совершило нечто невозможное: оно замерло, потом рванулось в бешеной скачке, залив её лицо таким жаром, что она была уверена – все вокруг видят, как она пылает. Она опустила глаза, сбилась в середине стандартной фразы о «послушании и прилежании», и едва не проглотила язык.

Рядом с ней стояли две девушки, с которыми она успела немного познакомиться в общей опочивальне за последние дни: Лилия, дочь столичного торговца магическими компонентами, болтливая и наблюдательная, и Фрейя, тихая девушка с севера с таинственным шрамом на руке. Лилия тут же тихонько ткнула её локтем в бок.

«Смотри-ка, – прошептала она, не шевеля губами, с мастерством, приобретённым, видимо, на городских рынках. – На тебя Мастер д'Арвен смотрит. Особенно смотрит».

– Не выдумывай, – парировала Элира, но даже думать было трудно сквозь гул в ушах. – Он на всех смотрит.

– На всех – нет, – тут же отозвалась Фрейя своим низким, спокойным голосом, удивительно чётко долетавшим сквозь торжественную музыку. – Он смотрит так, будто проверяет, не растворилась ли ты. И, кажется, рад, что нет.

Элира чуть не поперхнулась собственным дыханием. Она рискнула снова поднять взгляд. Каэлан уже смотрел в сторону Архимагистра, но профиль его был менее отстранённым, брови слегка сведены, будто он о чём-то напряжённо размышляет, и это «что-то» явно находилось в её стороне.

Церемония подошла к концу. Новичкам велели пройти в трапезную на праздничный ужин. Движущейся, болтающей толпой они хлынули из зала. Элира, зажата между Лилией и Фрейей, чувствовала на своей спине призрачное, но неотступное тепло чужого взгляда. Она обернулась на пороге.

Он стоял всё там же, среди других магистров, слушая что-то говорит пожилой коллега. Но его глаза снова были на ней. Глубокие, непрочитанные, полные той самой бури, которую она заметила год назад. Только теперь в этой бури было место для неё. Это было и пугающе, и пьяняще.

Он снова кивнул, на этот раз чуть более определённо, и его губы сложились в ту самую, едва уловимую улыбку, которая заставила её сердце снова бешено колотиться.

– Ох, – фыркнула Лилия, таща её за руку в коридор. – Да ты, я смотрю, уже покорила самого неприступного льва нашей Академии. Он на первокурсниц обычно смотрит, как на надоедливых мотыльков, которых жаль жечь пламенем, но очень хочется.

– Он мой... благодетель, – с трудом подбирая слова, пробормотала Элира. – Он мне помог поступить.

– Помог – это он тебе камень дал, – с хитрым прищуром сказала Лилия. – А «смотрит» он на тебя так, будто ты сама – тот самый редкий артефакт, который он искал всю жизнь. Приготовься, Эль. О тебе теперь поползут слухи.

Фрейя молча шла рядом, но её глаза тоже светились пониманием момента.

– Не бойся слухов, – сказала она наконец. – Бойся только, если этот взгляд перестанет на тебя находить. Это было бы куда хуже».

В трапезной, за длинными столами, Элира едва касалась пищи. Её щёки горели, а в ушах стоял не гул зала, а тихий, насмешливый шепот подруг и гул собственной крови. Она украдкой посматривала на высокий стол для магистров, где он сидел, отстранённый и величавый, беседуя с соседом. И однажды он поднял бокал, делая общий тост, и его взгляд, скользнув по залу, на долю секунды задержался на ней. Этого было достаточно, чтобы её мир, и без того перевернувшийся с ног на голову, закружился в новом, головокружительном вихре.

Она была всего лишь служанкой из трактира в слишком большой мантии. А он – магом-аристократом, фигурой власти и тайны. Но в этом молчаливом взгляде, в этом едва заметном кивке, была какая-то невероятная, запретная надежда. И она понимала, понимала уже по хитрому блеску в глазах Лилии, что с этой надеждой ей придётся быть осторожной. Потому что в этих древних стенах за тобой наблюдали не только друзья, но и множество других, куда менее добрых глаз.

Каэлан.

Торжественный гул органа, мерцание созвездий на потолке, ряды юных, восторженных и напуганных лиц – всё это было для Каэлана привычным, почти снотворным фоном. Церемония Посвящения. Ещё одна партия сырого материала для Академии, из которого предстояло выковать магов. Он стоял в своём профессорском облачении, ощущая его привычный, тяжёлый вес, и позволял мыслям блуждать где-то между вчерашним отчётом Совета и завтрашней лекцией по тонкостям управления энергетическими потоками.

И затем он увидел её.

Она была в толпе, теряясь в море одинаковых серых мантий, но для его взгляда она маячила, как единственный источник цвета в черно-белом мире. Рыжие волосы, собранные в неаккуратный пучок, из которого выбивались непослушные пряди. Слишком большая мантия сидела на ней мешком, делая её хрупкой, почти девичьей. Она смотрела по сторонам с тем самым выражением – не благоговейным ужасом, а практичным, живым любопытством, будто

оценивала высоту потолков для развешивания трав или удобство каменных плит для мытья полов.

Что-то внутри него, холодное и отстранённое, дрогнуло и треснуло.

Он наблюдал, как она подходила ближе. Как её пальцы нервно перебирали край мантии. Как она вдохнула полной грудью, готовясь произнести клятву. И когда она подняла глаза, случайно встретившись с ним взглядом, мир для Каэлана сузился до одной этой точки.

Её глаза, широко распахнутые, в этот миг отражали не своды зала, а его самого. И в них он увидел всё: её страх, её решимость, её неугасимую искру. То самое, что привлекло его в душном трактире. Только теперь эта искра горела ярче, подпитываясь новыми надеждами и опасениями.

И тогда это случилось. Не осознание её возможного высокого происхождения. Не профессорская оценка её потенциала. Не даже рыцарское чувство долга перед той, кого он ввёл в этот опасный мир.

Это было что-то совершенно новое, острое и обескураживающее.

Его сердце, обычно ровное и подконтрольное, как маятник дорогих часов, вдруг сделало неправильный, сбивающий весь ритм удар. Горячая волна, не имеющая ничего общего с магией, прокатилась от макушки до кончиков пальцев. Он почувствовал нелепое, почти болезненное желание сойти с возвышения, подойти, поправить сбившуюся складку на её плече, сказать что-то... что-то не профессорское. Что-то глупое и успокаивающее. «Не бойся. Всё будет хорошо. Я здесь».

Этот порыв был настолько сильным и чуждым, что он физически отпрянул внутрь себя, сделав своё лицо ещё более каменным. Но глаза выдали его. Он не мог оторвать от неё взгляда. Он кивнул. Маленький, сдержанный жест, в котором было всё, чего он не мог позволить себе сказать.

А потом, когда она смутилась, опустила глаза и запнулась, что-то в его груди сжалось от нежности, смешанной с диким, нерациональным раздражением на весь этот цирк, на эти ритуалы, которые заставляли её нервничать. Ему захотелось прекратить церемонию. Вывести её отсюда. Спросить, хорошо ли ей устроили, не досаждают ли кто.

Мысли путались, набегая друг на друга.

«Она здесь. Она сделала это».

«Боги, она выглядит такой потерянной в этой мантии».

«Охотники могли снова найти её. Нужно усилить охрану».

«Почему я не могу перестать на неё смотреть?»

«Архимагистр бубнит что-то вечное. Когда это уже кончится?»

И сквозь этот хаос пробилась ясная, ослепительная и совершенно пугающая мысль, ударившая с силой разряда молнии:

«Похоже, я влюбился».

Мысль была настолько абсурдной, что он едва не фыркнул. Каэлан д'Арвен? Влюблён? В кого? В провинциальную девчонку без рода, без имени, с диким, неотёсанным даром? Это было смешно. Это было невозможно. Это нарушало все его принципы, весь порядок его жизни, все планы, которые строили для него семья и Совет.

Но его сердце, это предательское, внезапно ожившее мясо в груди, неумолимо стучало в такт этой невозможной истине. Он вглядывался в её профиль, в линию её шеи, в то, как она прикусила губу, слушая наставления, и понимал – это не просто интерес. Не просто ответственность. Это то самое чувство, о котором трубадуры слагали глупые баллады, а он всегда считал преувеличением или слабостью.

Он был влюблён. В её смелость. В её упрямство. В магию, которая была в ней самой, а не в заученных заклинаниях. В то, как она заставила его чувствовать что-то настоящее после долгих лет эмоционального сна.

И это было ужасно. Потому что это делало её не просто его подопечной или возможной политической фигурой. Это делало её его слабостью. А слабости в его мире имели обыкновение безжалостно эксплуатировать и уничтожать.

Когда церемония закончилась, и толпа новичков хлынула к выходу, он следил за ней глазами, пока она не скрылась в дверях, зажатая между двумя другими девушками. Только тогда он позволил себе выдохнуть, ощущая странную пустоту в том месте, где секунду назад было это пьянящее напряжение.

Коллега что-то сказал ему, и Каэлан автоматически кивнул, выдавив что-то вроде «совершенно верно». Но его ум был далеко. Он видел её смущённую улыбку, чувствовал эхо того бешеного сердечного удара.

«Так вот как это бывает, – подумал он с горьковатой иронией. – Никаких предупреждений. Никаких знамений. Просто... бац. И всё. Ты пропал».

И самым пугающим было то, что, несмотря на весь ужас, на всю опасность этой ситуации, на беспорядок, который она вносила в его жизнь, он не хотел, чтобы это чувство уходило. Оно было мучительным, неудобным, запретным.

Но оно было живым. И после долгих лет существования в полу-сне, это было дороже любых титулов и магических вершин.

Он отпил глоток ледяной воды со своего места, пытаясь охладить не физическую, а внутреннюю жару. Впереди был праздничный ужин. Ему предстояло сидеть за высоким столом и вести светские беседы, зная, что она там, внизу, среди шума и гама. И зная, что его собственное, только что открывшееся сердце, будет неумолимо искать её в толпе, снова и снова.

«Проклятье, – тихо выругался он про себя. – Проклятье». Но в душе не было ни капли настоящей злости. Был лишь трепет перед бурей, которую он сам и вызвал, бросив год назад камень-проводник на стойку трактира. Буря носила теперь имя Элира. И он, похоже, был готов с радостью утонуть в её глазах.

Элира.

Первый день учёбы начался не с магии, а с бега.

Буквально. Сестра-экономка, женщина с лицом, напоминающим сушёную грушу, ворвалась в нашу опочивальню ещё до рассвета.

– Подъём! Зарядка для ума начинается с зарядки для тела! На плац, девицы, бегом!

Мы, сонные и проклинающие всё на свете, высыпали во внутренний двор Академии – «плац», вымощенный гладким серым камнем. Холодный утренний воздух щипал щёки. Мастер по телесному усовершенствованию, похожий на вытесанный из гранита булыжник с усами, загнал нас в бег по кругу. Лилия чуть не подавилась собственным языком, Фрейя бежала молча, но её глаза метали молнии. Я же, к своему удивлению, не слишком выбивалась из сил. Видимо, годы таскания полных подносов и вёдер с водой дали о себе знать. Моё тело знало, что такое труд.

Потом был завтрак в шумной трапезной. Каша была странной на вкус, с лёгким послевкусием чего-то металлического, но сытной. Лилия шептала сплетни о старшекурсниках, Фрейя внимательно изучала расписание, выгравированное на тонкой серебряной пластинке.

А потом пришло время первого настоящего урока: «Основы распознавания и канализации внутреннего потенциала». Звучало пугающе. Проходило он в Круглом зале – просторном помещении с куполом, в центре которого на низком постаменте лежал огромный, отполированный до зеркального блеска чёрный камень – Омфал, Камень Истока.

Нас построили в круг. Преподаватель, Мастер Гондрик, человек с добрыми глазами и седой бородой, объяснил:

– Омфал реагирует на чистоту намерения и силу врождённого дара. Он не измеряет знания, только потенциал. Подойдите по очереди, положите ладони на поверхность, закройте глаза и попытайтесь просто... быть. Прочувствовать энергию внутри себя и позволить камню её коснуться.

Первые студенты подходили робко. Камень под их ладонями слабо светился бледно-голубым, зелёным или жёлтым светом. Интересно, но не впечатляюще. Лилия заставила его вспыхнуть ярко-оранжевым, как осенний лист, и выглядела очень довольной. Фрейя подошла, положила ладонь, и камень ответил глубоким, тёмно-фиолетовым свечением, в котором, мне показалось, на мгновение мелькнули крошечные звёздочки. Мастер Гондрик одобрительно крикнул.

Потом очередь дошла до меня. Ноги стали ватными. Все эти благородные отпрыски, с детства знавшие о своей магии... а я? Деревенская служанка с фокусами для кухни.

Я подошла. Чёрная, холодная поверхность камня отражала моё бледное, испуганное лицо. Я глубоко вдохнула, вспомнила совет Агнессы: «Не доказывай. Ты уже лучшая». И ещё – его взгляд вчера. Кивок. Уверенность.

Я положила ладони на гладкий камень. Закрыла глаза. Внутри был привычный гул – шум воды в ручье, шелест травы за окном трактира, тепло очага, тяжёлое дыхание спящих постояльцев, звон кружек... вся моя прежняя жизнь. Я не пыталась её вытолкнуть или преобразо-

вать. Я просто позволила этому гулу быть. Представила, как этот шум, это тепло, эта простая, бытовая сила струится из моих ладоней.

И Омфал... взорвался.

Не со звуком, а со светом. Сквозь веки я увидела ослепительную белую вспышку. Раздались возгласы. Я открыла глаза.

Камень под моими руками не просто светился. Он пульсировал. Из его глубины бил столб чистого, золотисто-белого света, упирающийся в самый купол. Внутри столба кружились, словно пылинки в солнечном луче, мириады крошечных искорок – синих, как вода, зелёных, как листва, алых, как пламя, и коричневых, как земля. Свет был тёплым и живым, он пел тихую, вибрирующую песню, которую я чувствовала кожей. От камня по полу побежали серебристые трещины-молнии, ненастоящие, энергетические.

В зале повисла гробовая тишина. Потом её нарушил низкий, полный изумления голос Мастера Гондрика:

– Мать всех стихий... Чистейшая, недифференцированная природная энергия. Такое... такое я видел лишь раз в жизни, в записях...

Я в ужасе отдернула руки. Свет мгновенно погас, оставив после себя лёгкое свечение, медленно таявшее в воздухе. На камне не осталось и следа. Но на меня смотрели двадцать пар глаз, полных шока, зависти, страха и восхищения.

Мастер Гондрик подошёл ко мне, его добрые глаза были теперь огромными.

– Дитя моё... как тебя зовут?

– Э... Элира, – прошептала я.

– Элира, – он повторил, как будто пробуя на вкус необычное заклинание. – Твой потенциал... он запределен. И абсолютно чист. Ты – как незаписанный свиток, на котором можно начертать что угодно. Или... как чистый родник, из которого можно напиться любой магии.

Я стояла, чувствуя, как по спине бегут мурашки. «Лучшая на курсе». Эти слова не проносились вслух, но висели в воздухе, тяжелые и неудобные. Я видела, как Лилия смотрит на меня с новым, оценивающим интересом, а Фрейя – с тихим, одобрительным уважением. Остальные... некоторые отводили взгляд.

Урок после этого как-то быстро закончился. Ко мне никто не подходил. Я шла по коридору одна, ощущая на себе тяжёлые взгляды. Мои ладони всё ещё пощипывали от прикосновения к камню, от той чудовищной силы, что вырвалась наружу.

И тут, из бокового прохода, вышел он.

Каэлан д'Арвен. Он шёл быстро, о чём-то разговаривая с тем же командором Торианом, что был на церемонии. Увидев меня, он резко остановился. Ториан, следуя его взгляду, тоже умолк, его проницательные глаза скользнули по мне.

– Мастер д'Арвен, – пробормотала я, опуская голову, чувствуя себя виноватой в чём-то. Виноватой в этом свете, в этом внимании.

Он подошёл. Его лицо было серьёзным, но не холодным.

– Мастер Гондрик только что доложил о... неординарных результатах тестирования, – сказал он. Его голос был ровным, профессорским, но в глубине серых глаз бушевало что-то тёплое и тревожное. – Поздравляю. Или... соболезную. Теперь у тебя не только я, но и весь курс будет за тобой наблюдать.

– Я... я не хотела, чтобы так вышло, – честно выпалила я.

– Знаю, – он ответил просто. И в этом «знаю» было столько понимания, что мне стало чуть легче. – Твоя сила – это не вызов, Элира. Это данность. Как цвет глаз. Теперь тебе предстоит научиться с ней жить. И владеть ею. Это будет сложнее, чем зажечь Омфал.

Ториан кашлянул.

– Действительно, – сказал он сухо. – Такой яркий всплеск на карте магического поля города... некоторые нежелательные лица могли его заметить. Будьте осторожнее, юная леди.

Каэлан кивнул, его взгляд стал твёрже.

– Иди на следующий урок. И... не прячься. Ты заслужила это место. Помни об этом.

Я кивнула и пошла, чувствуя, как их взгляды провожают меня до поворота. Страх и смущение от того, что я сделала, всё ещё были со мной. Но под ними теперь теплилась маленькая, гордая искорка. Я заслужила. Я не просто служанка. Я – Элира. И мой дар, каким бы огромным и пугающим он ни был, – это часть меня.

Первый день учёбы закончился. Я легла на свою новую, узкую кровать в общей спальне и смотрела в темноту. Ладони всё ещё помнили пульсацию Камня Истока. А сердце – тёплый, серьёзный взгляд серых глаз, в котором читалось не только «профессорская озабоченность», но и что-то личное, глубокое, от чего становилось и страшно, и невероятно спокойно одновременно.

Вечер после дня Омфала выдался на удивление спокойным. Кажется, мой «фейерверк» всех так напугал или впечатлил, что даже задиристые ребята со второго курса обходили нашу кучку стороной. Мы с Лилей и Фрейей устроились в маленькой нише возле библиотеки, где стояли три старых, но удобных кресла, и грызли печенье, которое Фрейя каким-то чудом добыла на кухне.

Тревога потихоньку отпускала, уступая место обычной усталости и... любопытству к новому миру вокруг. Лилия, разумеется, первой развернула «информационное наступление».

– Ну так, – сказала она, облизывая пальцы от крошек. – С потенциалом разобрались. Наша Эль – скрытая богиня, прикидывающаяся мышкой. Теперь перейдём к более важным вопросам. Парни на курсе. Обзор нужен срочно, пока лучших не разобрали.

Я фыркнула, но слушала с интересом. Фрейя сидела, поджав ноги, и вязала что-то из тёмной шерсти, лишь изредка вставляя замечания.

– Итак, – Лилия понизила голос до конспиративного шёпота, хотя вокруг никого не было. – Звёзд первой величины немного. Альрик, сын герцога Вестрана. Красив, умен, но смотрит на всех, будто рассматривает насекомых под лупой. Полагаю, у него вся магия ушла в заморозку собственного сердца. Не наш вариант.

Я кивнула, вспомнила высокого блондина с идеальной осанкой и ледяными голубыми глазами. Он и правда выглядел как статуя.

– Далее, Гаррет, – продолжала Лилия. – Из семьи полевых магов. Добродушный, рыжеволосый, веснушчатый. Всегда готов помочь с теорией, но, говорят, на практикумах так нервничает, что умудряется поджечь собственные брови. Мило, но... пожароопасно.

– Он милый, – тихо сказала Фрейя, не отрываясь от вязания. – И у него хорошие руки. Чувствует землю.

– Ну, Фрей, если тебе нравятся ребята, которые пахнут дымом и перепугом... – парировала Лилия. – Дальше. Корвин. Темноволосый, молчаливый, ходит всегда с томиком стихов. Говорят, специализируется на магии иллюзий и мечтает оживить тени прошлого. Романтично, но как-то жутковато. И смотрит он... сквозь тебя.

– Он просто стесняется, – неожиданно вступилась я. Помнила, как на зарядке он споткнулся о собственную тень и чуть не упал, страшно покраснев. – У него добрый взгляд, когда он не прячет его за книгой.

Лилия подняла бровь.

– Ого! Наша богиня оживилась! Присмотрела уже себе робкого иллюзиониста? Ну, если ты готова жить в мире его грёз...

– Я ничего не присмотрела! – я покраснела. – Просто... он не выглядит зазнайкой.

– Хм, – Лилия не поверила, но решила сменить тактику. – Ну ладно. Тогда самый очевидный вариант для всех девушек на курсе, кроме, возможно, тебя, Эль. Лео. Будущий маг-воин, сын командующего королевской гвардией. Мускулы, улыбка до ушей, обаяние медведя, который нашёл бочку мёда. На него уже смотрят все старшекурсницы.

Я вспомнила громкоголосого парня с широкой грудью, который на зарядке подтянулся двадцать раз, не моргнув глазом. Он и правда был похож на солнечного медведя.

– Он... шумный, – неуверенно заметила я.

– Шумный! – закатила глаза Лилия. – Да он центр вселенной в своих собственных глазах! С ним не поговорить, только слушать, как он говорит. Хотя... для вечерней прогулки под луной, может, и сойдёт. Если ты не против, чтобы эта прогулка была посвящена его подвигам на тренировочном поле.

Мы рассмеялись. Было странно и весело обсуждать всё это. В трактире такие разговоры сводились к грубоватым шуткам про погонщиков мулов или к вздохам о недостижимом сыне купца из соседнего города. А здесь... здесь все они были какими-то особенными, отмеченными магией или знатностью. И я среди них чувствовала себя всё той же служанкой в чужом платье.

– А кого бы выбрала ты, Фрей? – спросила Лилия, поворачиваясь к нашей молчаливой подруге.

Фрейя на секунду отвлеклась от петель.

– Никого, – ответила она просто. – Они все... незрелые. Носят свои титулы и дары, как дети – новые ботинки, громко топают, чтобы все заметили. Мне нужно тихое место у огня и умные руки, которые знают, когда молчать.

Мы с Лилией переглянулись. В словах Фрейи было что-то мудрое и печальное.

– Ну, а ты, Эль? – снова набросилась на меня Лилия. – Ты всех защитила и похвалила. Но у тебя же должны быть предпочтения? Альрик – холодный принц, Гаррет – пожарная опасность, Корвин – мечтатель, Лео – герой-балабол. Кто ближе душе нашей могучей новоиспечённой звезды?

Я замялась, глядя на свои руки. Они снова вспомнили тепло Омфала.

– Я... я не думала об этом. Всё как-то... несерьёзно пока.

– Ой, да ладно тебе! – фыркнула Лилия. – Ты же живая девушка! Тот же Лео на тебя в столовой пялился, как на диковинку. После твоего представления с Камнем многие будут пялиться. Так что лучше заранее определиться, кого ты готова терпеть, а кого – послать куда подальше.

– Может, ей нравятся не мальчики с курса, – вдруг тихо произнесла Фрейя, поднимая на меня свои спокойные, всевидящие глаза.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– Что? Нет! То есть... я...

– А кто же? – Лилия наклонилась вперёд, её глаза загорелись азартом охотницы. – Старшекурсник? Какой-нибудь загадочный мастер? Ой, подожди... – её лицо вдруг осветилось догадкой, и она замерла, глядя на меня с театральным изумлением. – Неужели... Неужели он?!

Я знала, о ком она. И не смогла сдержать ни краски на щеках, ни панического блеска в глазах. Я беспомощно опустила голову.

– Боги всемогущие! – прошептала Лилия, откидываясь в кресло. – Мастер д'Арвен? Серьёзно, Эль? Но он же... он же неприступная скала! Ледяной дворец на ножках! Он на студентов смотрит как на лабораторные образцы!

– Он не такой, – вырвалось у меня, тихо, но твёрдо. – Он... спас меня. И поверил в меня, когда я сама не верила.

Наступила тишина. Даже Фрейя перестала вязать.

– Вот это поворот, – наконец выдохнула Лилия, и в её голосе не было уже насмешки, а лишь огромное любопытство и капля тревоги. – Эль, милая... Это... это очень высоко взлететь. И очень больно падать. У него репутация, положение, обязанности. И он не из тех, кто играет в чувства.

– Я и не играю! – горячо возразила я. – И я ничего не жду! Просто... – я сдалась, обхватив голову руками. – Просто когда он смотрит, я чувствую, что я не просто Элира из трактира. Что я могу быть... больше. И это страшно, и это неправильно, и я об этом даже думать не должна, но...

– Но ты думаешь, – закончила за меня Фрейя. Её голос был мягким. – И он, кажется, тоже не остаётся равнодушным. Мы видели, как он на тебя смотрел на Посвящении.

– О да, – подтвердила Лилия, уже без тени шутки. – Это был не взгляд профессора. Это был взгляд... человека. Очень заинтересованного человека. Будь осторожна, Эль. Вокруг тебя и так теперь все крутятся из-за твоего дара. А если добавятся слухи про внимание Мастера д'Арвена... Тебя просто сожрут заживо завистью и сплетнями.

Я знала, что она права. Каждая клеточка моего тела кричала об опасности. Но в груди, прямо под тем местом, где лежал камень-проводник, теплилось это странное, сладкое и мучительное тепло. Тепло от одного воспоминания о его взгляде.

– Я буду осторожна, – пообещала я им и себе. – Я здесь учиться пришла. Всё остальное... потом.

– Ладно, – вздохнула Лилия. – Значит, пока наш официальный вердикт: парни с курса – милые, но незрелые игрушки. Объект тайного обожания – запретный, опасный и совершенно божественный Мастер д'Арвен. Принято. Но если что, мы с Фрей тебя прикроем. Хотя бы морально.

Фрейя кивнула, и в её глазах мелькнула твёрдая решимость.

Я улыбнулась им, чувствуя прилив нежности. В этом огромном, холодном и странном мире у меня появились подруги. И пусть моё сердце бьётся не по уставу Академии, а по какому-то своему, сумасшедшему ритму, я была не одна. А это уже было огромной победой. Большой, чем любой свет от любого камня.

Кабинет Ториана.

В кабинете командора Ториана Вейла пахло воском, старым деревом и холодной сталью. На столе, лишённом каких-либо безделушек, лежала тонкая папка. Каэлан стоял у окна, глядя, как первые студенты спешат на утренние занятия, но не видел их. Всё его внимание было приковано к словам человека за столом.

– Гипотеза подтверждается, – сухим, отчётливым тоном произнёс Ториан. Он перелистывал страницы. – Слуги графа Ардиса действительно бежали на юг с одной девочкой лет пяти. Их след теряется как раз в районе той самой Южной дороги. Дальше – сплошные «предположительно» и «вероятно». Но совпадений слишком много. Акцент, фразеологизмы, которые ты отметил, действительно характерны для той горной области, откуда был род граф. И самое главное – дар.

Он поднял на Каэлана пронзительный взгляд.

– Из архивов магического наблюдения за домом Валерьев: графиня Эльвина в возрасте двадцати двух лет, во время цветения Садов Вечной Весны, проявила способность, идентифицированную как «пробуждение жизненной силы». Описание практически один в один с тем, что сделала твоя подопечная с Омфалом. Чистейший, недифференцированный поток природной энергии. Не магия земли или растений в отдельности, а сама жизнь в её изначальной форме.

Каэлан медленно выдохнул. Так оно и было. Не просто сильный дар. Наследственный, уникальный дар одного из Великих Домов. В его груди что-то болезненно сжалось – от осознания масштаба ответственности и... от странного чувства потери. Её прошлое переставало быть чистым листом. Оно было написано кровью, титулами и магией, к которой он сам принадлежал.

– Охотники в переулке? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Вероятно, не просто «ловцы», – Ториан откинулся на спинку кресла. – Слишком профессионально действовали, слишком быстро исчезли. Есть версия, что это могли быть агенты регента, герцога Малкора, который управляет землями Валерьев последние пятнадцать лет. Или его противников. Если слух о возможной выжившей наследнице просочится... – Он не закончил, но смысл был ясен. Элира станет пешкой в игре, где ставки – целые провинции и древние артефакты.

– Нужно её охранять, – сказал Каэлан. Это не было просьбой. Это был приказ.

– Уже делается, – кивнул Ториан. – Два моих лучших агента под прикрытием среди слуг и студентов младших курсов. Но лучшая охрана для неё сейчас – анонимность и обыденность. Чем быстрее она вольётся в серую массу учащихся, перестанет быть «девушкой, зажёгшей Омфал», тем лучше.

Каэлан знал, что это невозможно. После вчерашнего о ней говорила вся Академия. Но он кивнул.

– Я поговорю с Гондриком. Пусть на практикумах следит, чтобы она не выделялась сверх меры.

– И ты сам, Каэлан, – Ториан посмотрел на него пристально. – Будь осторожен. Твоя... заинтересованность в ней не остаётся незамеченной. Для врагов это может стать точкой давления. На тебя или на неё.

Каэлан отвернулся к окну. Его заинтересованность. Какое жалкое слово для того урагана, что бушевал у него внутри. Он просто кивнул, не в силах отрицать очевидное.

Выйдя из кабинета, он почувствовал, как его переполняет странная смесь решимости и тревоги. Он должен был её видеть. Убедиться, что с ней всё в порядке после вчерашнего потрясения. Не как профессор. Как... как он сам. Это было безрассудно, но он не мог сопротивляться.

Он направился в сторону залов для практических занятий первого курса, намеренно выбрав путь через узкий, редко используемый переход между Северной и Восточной башнями. И почти наткнулся на неё.

Она выскочила из-за поворота, не глядя под ноги, с охапкой книг в руках, которые грозили вот-вот вывалиться. Она была одна. Увидев его, она замерла на месте, глаза округлились от неожиданности, а потом в них вспыхнуло то самое знакомое пламя – смесь страха, смущения и чего-то ещё, от чего его собственное сердце сделало произвольный толчок.

– Ма... Мастер д'Арвен! – выдохнула она, судорожно пытаясь поправить сползающие фолианты.

– Элира, – сказал он, и имя на его языке звучало как-то особенно. Он сделал шаг вперёд, автоматически протянув руку, чтобы помочь с книгами, но остановился, вспомнив предостережение Ториана. Его рука повисла в воздухе. – Ты... спешишь?

– На лекцию по истории магических династий, – торопливо ответила она, прижимая книги к груди. – Кажется, я заблудилась.

Они стояли в полумраке перехода, и в тишине между ними повисло неловкое, густое напряжение. Он видел, как она смотрит на его замершую руку, как розовеют её щёки.

– Я провожу тебя, – предложил он, и голос прозвучал чуть более хрипло, чем он планировал.

– Нет-нет! Я... я сама найду! – она замотала головой, и рыжая прядь выбилась из пучка, упав на щёку. У него снова возникло нестерпимое желание поправить её. Он сжал руку в кулак. – Я не хочу вас задерживать.

– Ты меня ничем не задерживаешь, – возразил он мягко. И, не в силах сдержаться, всё же сделал шаг ближе, но не касаясь её. Он понизил голос почти до шёпота. – Элира. После вчерашнего... как ты?

Она подняла на него глаза, и в её взгляде он прочитал усталость, смятение и ту самую, не сломленную ничем, внутреннюю силу.

– Всё... странно. Со мной все стали как-то по-другому смотреть. Даже подруги.

– Это пройдёт, – сказал он, хотя сам не был в этом уверен. – Главное – не позволяй этому изменить тебя. Ты не твой дар. Ты – больше.

Она смотрела на него, словно ловя каждое слово.

– Вы так же говорили в трактире. Что магия – в моём рагу.

Он не смог сдержать лёгкой улыбки. В этом тёмном переходе, вдали от чужих глаз, он позволил ей появиться.

– И я не ошибся. Твоё рагу, должно быть, было шедевром.

Она смущённо опустила глаза, но уголки её губ дрогнули в ответной улыбке. И в этот миг, глядя на её опущенные ресницы, на тень от той непослушной пряди, он забыл всё. Отчёты Ториана, титулы, опасности. Осталась только она. Девушка, от которой исходило тепло, пахнущее домашним хлебом и чем-то неуловимо диким, природным.

– Мне... правда нужно идти, – тихо проговорила она, но не сделала ни шага.

– Да, – с трудом выговорил он, заставляя себя отступить, давая ей пространство. – Восточная башня, третий этаж, зал с витражами. Иди налево от этого перехода.

– Спасибо, – она кивнула и, наконец, заставив себя двинуться с места, прошла мимо него. Её рукав едва коснулся его мантии. Мимолётное прикосновение, от которого по его коже пробежали искры.

Он обернулся, смотря ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. В груди бушевала настоящая буря. Он знал всё о её прошлом. Знал о смертельных опасностях. Знал, что ему, как её наставнику и... и как человеку, потерявшему голову, нужно быть холоднее, расчётливее, держать дистанцию.

Но, чёрт побери, когда она смотрела на него этими глазами, полными доверия и какого-то наивного восхищения, все эти доводы рассыпались в прах. Он сжал кулаки так, что кости хрустнули.

«Ториан прав, – подумал он с горькой ясностью. – Я сам стал её слабостью. И она – моей. И хуже всего то, что мне это... нравится».

Он глубоко вздохнул, выпрямил плечи под профессорской мантией и пошёл своим путём, к своим обязанностям, унося с собой в душе образ её смущённой улыбки и запах старых книг, смешанный с тонким, едва уловимым ароматом полевых цветов, который, казалось, всегда витал вокруг неё.

Кабинет Каэлана в Западной башне был царством упорядоченного хаоса. Высокие полки, уставленные фолиантами в потертых кожаных переплетах, чередовались с полками, заставленными странными артефактами: кристаллами, мерцающими внутренним светом, засушенными растениями в стеклянных сферах, сложными астрономическими приборами с замершими стрелками. Воздух пах пылью, пергаментом, высушенными травами и едва уловимым запахом озона – следы недавних магических экспериментов.

За массивным дубовым столом, заваленным свитками и чертежами, сидел Каэлан. Но он не работал над новым заклинанием или отчетом для Совета. Перед ним лежал чистый лист дорогого, плотного пергамента, а в голове бушевала буря, связанная с одним-единственным именем.

Элира.

Информация от Ториана, её оглушительный успех с Омфалом, её растерянный и одновременно сияющий взгляд в тёмном переходе – всё это сплелось в тугий узел, который он теперь пытался развязать с помощью логики и плана. Его профессорская часть понимала: такой дар нельзя втиснуть в стандартную программу первого курса. Его попросту разорвёт, или он подавит её индивидуальность, превратив в очередного техничного, но безликого мага.

Его личная часть... личная часть просто хотела дать ей всё. Защитить, направить, увидеть, как она расцветает. И этот конфликт сводил его с ума.

Он взял перо, обмакнул его в чернила цвета ночного неба и начал набрасывать заголовок: «Индивидуальная программа развития для студентки первого курса Элиры (фамилия под вопросом)».

Потом зачеркнул часть в скобках. Слишком опасно даже на бумаге.

Основа: Природная магия жизненной силы (*provisio vitae*). Недифференцированный поток, родственный изначальной магии творения. Аналогии: легенды о первых дриадах, ритуалы пробуждения земли у горных кланов Валерьев (требует проверки, но гипотеза вероятна).

Он остановился, сжав перо так, что костяная ручка затрещала. «Валерьев». Даже мысль об этом заставляла его кровь стынуть. Но игнорировать это было преступно. Если это правда, её магия имеет не только личную, но и историческую, политическую основу. Её нужно учить не просто контролю, а пониманию корней этой силы.

Он продолжил писать, разделяя лист на столбцы.

1. Базовый контроль (срочно, высший приоритет).

- Учитель: Мастер Гондрик (теоретическая база, медитативные практики стабилизации).
- Цель: Научить её ощущать и «собирать» свою энергию не инстинктивно, в моменты стресса или увлечённости, а осознанно. Превратить бушующий поток в управляемое русло.
- Методы: Классические упражнения на концентрацию, но с использованием природных фокусов – вода, живое растение, пламя свечи (не магическое, а обычное). Камень-проводник – как личный якорь.

2. Дифференциация и специализация (поэтапно, после достижения базового контроля).

- Гипотеза: Её дар может быть разделён на аспекты, соответствующие классическим стихиям, но с ключевым отличием – в основе лежит не призыв/подчинение стихии извне, а пробуждение/усиление жизненной силы внутри объекта или явления.
- Вода (упражнения с Мастером Элиной, гидромансером): не создание волны, а чувствование течения, пробуждение родника в застоявшейся воде, очищение.
- Земля/Растения (упражнения с...)

Он снова остановился. Кто в Академии был настоящим специалистом по зелёной магии, не просто сельскохозяйственной, а глубокой, мистической? Большинство таких мастеров были затворниками или принадлежали к тем же древним родам. Он написал на полях: «Найти консультанта. Возможно, обратиться к Хранителям Роши за пределами Академии. Рискованно, но необходимо».

3. Теория и история (параллельно).

- Не общая история магии, а специализированный курс. Тайно. Со мной.
- Цель: Дать ей контекст. История дома Валерьев (под легендой об «исчезнувшем горном роде»). Легенды о природных магах, не связанных с гильдиями. Основы магической политики и самозащиты (как распознать попытку манипуляции, воздействия на разум).
- Опасно. Но незнание – ещё опаснее.

4. Практическая интеграция и «прикрытие».

- Цель: Создать для окружающих правдоподобную картину её развития. Направлять её публичные успехи в русло одной, максимально нейтральной специализации. Например, целительство (аспект жизненной силы). Или алхимия (пробуждение свойств ингредиентов).

· Нужно поговорить с Мастером Гондриком и деканом. Обосновать индивидуальный подход «из-за уникальности и силы дара, требующего особого внимания во избежание несчастных случаев». Часть правды как прикрытие для большей.

Он откинулся на спинку кресла, наблюдая, как чернила на пергаменте медленно сохнут. План был хорош. Разумен, многослоен, учитывал как её благо, так и её безопасность. Но в нём не было одного. Его.

Он встал и подошёл к окну. Внизу, во внутреннем саду Академии, группа первокурсников под присмотром мастера что-то делала с маленькими саженцами. Его взгляд автоматически выискивал рыжую голову. Её там не было.

Как вписать себя в этот план? Как её официальный наставник по особой программе? Это давало бы легальный повод для частых встреч, для контроля над её прогрессом. Но это же бросало её в самое пекло слухов и зависти. «Любимица Мастера д'Арвена». Её и так уже недолюбливали.

Альтернатива – оставаться в тени, наблюдать со стороны, поручив её другим. Эта мысль вызвала в нём почти физическое отвращение. Нет. Он не отдаст её никому. Не потому что не доверял Гондрику или другим (хотя доверял он, в самом деле, немногим). А потому что... потому что он хотел быть тем, кто увидит первую осознанную улыбку, когда у неё получится контролировать всплеск энергии. Тем, кто будет ловить её восхищённый взгляд, когда она откроет для себя тайну в древнем манускрипте. Он хотел быть частью её пути.

Это был эгоизм. Опасный, непрофессиональный эгоизм.

Он вернулся к столу и в конце плана, мелким, сжатым почерком, добавил:

«Личный мониторинг и коррекция программы: Каэлан д'Арвен. Основание: первооткрыватель дара, личная ответственность за приглашение в Академию. Встречи – не реже двух раз в неделю, в формате индивидуальных консультаций в кабинете (без свидетелей). Темы: обсуждение прогресса, корректировка медитативных практик, теоретические вопросы».

Сухо. Официально. Почти. Но для него эти строки означали возможность. Возможность видеть её, говорить с ней, быть рядом. Под прикрытием долга.

Он сложил пергамент и запечатал его своей малой печатью – не гербовой, а личной, с тем же символом птицы и звёзд. Этот план не пойдёт в общий деканат. Это будет только между ним, Гондриком (частично) и, возможно, Торианом.

Он положил конверт в потайной ящик стола, чувствуя тяжесть совершённого выбора. Он запускал сложную, рискованную игру. Но игра уже шла с того момента, как он оставил ей камень в трактире. Теперь у него просто появилась карта. И самая ценная фигура на этой карте была не безликой «наследницей Валерьев» или «студенткой с уникальным даром».

Это была Элира. Девушка, которая пахла солнцем и травами, путалась в коридорах и зажигала камни жизнью. И ради неё он был готов играть против всех правил, включая свои собственные.

Глава 4. Практика и её последствия.

Практика проходила в Зачарованной Роще – небольшом, но густом лесу в часе езды от Академии, где магия была не столько в заклинаниях, сколько в самом воздухе, в старых деревьях, в ручьях, бегущих по мшистым камням. Задача для первокурсников была простой: под руководством магистров найти и собрать определённые травы, чувствуя их магический «отзвук» без помощи физических органов чувств.

Каэлан, вопреки своему плану «держаться в тени», лично возглавил эту группу. Аргумент был железным: после инцидента с Омфалом и попытки похищения в городе, за студенткой с уникальным даром требуется особый надзор в полевых условиях. Никто не решился оспорить.

Элира старалась сосредоточиться на задании. Под ногами хрустел влажный мох, солнце пробивалось сквозь плотную листву пятнами. Она присела у корней древнего дуба, пытаясь ощутить лёгкое свечение лунной полыни, но её мысли постоянно возвращались к Каэлану. Он шёл неподалёку, наблюдая за всеми, его присутствие было одновременно и тревожащим, и успокаивающим.

Именно он первым почувствовал неладное. Он резко остановился, его взгляд, до этого рассеянно-наблюдательный, стал острым, как лезвие. Он поднял руку, сигнализируя группе замолчать.

– Всем ко мне, – его голос, тихий, но не допускающий возражений, разрезал лесную тишину. – Сейчас же.

Но было уже поздно.

Из-за деревьев, двигаясь неестественно бесшумно и быстро, появились три фигуры в маскировочных серо-зелёных мантиях. Их лица были скрыты капюшонами и полумасками, в руках – не оружие, а короткие жезлы из тёмного дерева. Охотники. Профессионалы.

– Мастер д'Арвен, – один из них произнёс голосом, лишённым всякой интонации. – Не вмешивайтесь. Нам нужна только девочка. Целой и невредимой. Пока.

Паника, острая и леденящая, впилась в Элиру когтями. Но странно – рядом с ней был Каэлан. И эта мысль не дала ей оцепенеть.

– Отойдите, – сказал Каэлан. В его голосе не было ни страха, ни гнева. Была абсолютная, смертоносная уверенность. Он сделал шаг вперёд, заслоняя собой студентов. Воздух вокруг него затрепетал, зарядившись силой. – У вас есть три секунды, чтобы исчезнуть.

Охотники не стали тратить время на ответ. Двое кинулись в сторону Каэлана, жезлы засветились зловещим багровым светом. Третий, самый рослый, метнулся в обход, прямо к Элире.

Всё произошло за мгновения.

Каэлан вскинул руку. Между ним и нападавшими вспыхнул сияющий щит из переплетающихся рун. Багровые лучи ударили в него, рассыпаясь искрами. Он был сдержан, точен, его магия работала как отточенный механизм защиты и контр-атаки.

Но третий был уже рядом. Элира отпрянула, споткнулась о корень. Она увидела протянутую к ней руку в чёрной перчатке. Услышала сдавленный крик Лилии. Увидела, как Каэлан, отбивая атаку двоих, обернулся, и в его глазах мелькнула чистая, животная паника – не за себя, а за неё.

И что-то в ней щёлкнуло.

Не страх. Не мысль. Древний, глухой инстинкт. Инстинкт жизни, которой угрожают.

Она не произнесла заклинания. Она не сделала жеста. Она просто захотела, чтобы это остановилось. Чтобы эта угроза, это зло, этот холод, исходящий от незнакомца, перестали существовать. Она выплеснула наружу всё, что было у неё внутри – не контролируемый поток, как с Омфалом, а дикий, слепой, отчаянный крик своей жизненной силы, обращённый против того, кто эту жизнь пытался украсть.

Эффект был ужасающим.

Нападавший, уже почти схвативший её за руку, вдруг замер. Не просто остановился. Он окаменел. Буквально. Его кожа, его одежда, плоть – всё приобрело цвет и текстуру серого, мшистого камня. Выражение ярости под маской застыло навеки. Он превратился в статую, один палец всё ещё был вытянут в её сторону. Второй нападающий, который пытался обойти Каэлана с фланга, постигла та же участь, застыв в низкой боевой стойке.

Тишина. Грохот магических разрядов стих. Каэлан, отбросивший своего противника силовым импульсом, замер, уставившись на каменные изваяния. Его лицо было бледным.

Элира стояла, дрожа всем телом. Она смотрела на свои руки, будто впервые их видела. Потом её взгляд упал на «статуи». Осознание пришло волной леденящего ужаса. Она это сделала. Она лишила их жизни? Нет, не жизни... движения? Саму их суть?

– Элира, – голос Каэлана заставил её вздрогнуть. Он был хриплым. Он медленно подошёл к ней, обходя каменные фигуры, его глаза не отрывались от её лица. – Ты... что ты сделала?

– Я... я не знаю... – её собственный голос прозвучал чужим, тонким. – Я просто... не хотела, чтобы они...

И тогда накатила волна истощения. Такая чудовищная, будто из неё вытянули все кости, все мышцы, всю кровь. Мир поплыл перед глазами, краски поблели, звуки стали приглушёнными. Она увидела, как Каэлан делает к ней стремительный шаг, его рука тянется, чтобы подхватить её.

Но она уже не чувствовала своего тела. Тьма нахлынула мягко и неотвратно, и последнее, что она ощутила, прежде чем потерять сознание, – это его руки, ловящие её на лету, и его отчаянный, сдавленный шёпот у самого уха:

– Держись. Я здесь.

Очнулась она уже в своей кровати в Академии. В комнате было темно, лишь тусклый свет фонаря за окном освещал знакомые контуры. Голова гудела, тело дряблое как вываренная тряпка.

– Не двигайся, – тихий, но твёрдый голос прозвучал справа.

Она повернула голову. В кресле у её кровати, вполоборота к свету, сидел Каэлан. Он выглядел уставшим. Его мантия была сброшена на спинку кресла, рубашка расстёгнута у ворота. В его глазах была буря – тревога, усталость и что-то тёплое, сокровенное.

– Ты истощила себя до предела. Не смей так делать больше никогда.

– Они... – голос её сорвался. – Они живы?

Он помолчал.

– Да. Их жизненная сила заблокирована, закапсулирована в каменную оболочку. Это не смерть. Это... стазис. Невероятно сложное и запретное заклинание высшего порядка. А ты сделала это инстинктивно. Двух сразу. – Он провёл рукой по лицу. – Третьего я взял живьём. Он уже в камерах Ториана. Молчат, но мы выясним, кто стоит за этим.

Элира сглотнула ком в горле.

– Все... все видели?

– Видели. Но версия для всех, кроме Ториана и высшего совета, будет иной. Официально – это был я. Моя защитная магия «окаменения» сработала на всю группу, когда я нейтрализовал угрозу. Ты потеряла сознание от шока. Так будет безопаснее для тебя. Понятно?

Она кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы – от страха, от облегчения, от его заботы.

– Я... я чуть не убила их.

– Но не убила, – он перебил её, и его голос стал мягче. – В самый критический момент твоя природа, твой дар выбрали сохранение, а не уничтожение. Это важно, Элира. Это говорит о тебе больше, чем все тесты.

Он наклонился вперёд, его локти упёрлись в колени.

– Но это также значит, что твоя сила... она чудовищна в своей мощи. И непредсказуема. Индивидуальный план – не прихоть. Это необходимость. Начинаем завтра. Раньше, чем планировал.

Она снова кивнула, не в силах говорить.

– Спи, – сказал он, вставая. – Твои подруги на дежурстве у двери. Никто тебя не потревожит. А я... я буду рядом.

Он накрыл её одеялом, поправив край с той осторожностью, с какой прикасаются к хрупкому артефакту. Его пальцы на миг коснулись её руки. Прикосновение было тёплым и твердым.

– И, Элира? – он задержался у кровати. – Ты была невероятно храброй.

Он вышел, оставив её в темноте с пульсирующей головной болью, с тяжестью содеянного в душе, но и с его словами, которые горели в груди тихим, согревающим огнём. Она зажмурилась, чувствуя на своей руке жгучий след его прикосновения. Она едва не убила людей. Она раскрыла свою страшную силу на глазах у всех. Мир снова стал опасным и огромным.

Но он был рядом. Он защитил её – не только от нападавших, но и от последствий её же собственного могущества. Он солгал ради неё. И в его глазах, полных усталости и тревоги, она видела не страх перед её силой, а страх за неё.

Это было страшно. Это было неправильно. Но в эту минуту, слабая и сломленная, она больше всего на свете хотела, чтобы он вернулся и снова сказал: «Я здесь».

Допрос.

Подземелья Академии Ветров и Звёзд не были сырыми, заплесневелыми катакомбами из страшных сказок. Это были стерильные, холодные, хорошо освещённые залы и камеры, где главным орудием пытки была не боль, а абсолютная изоляция от магических потоков – невыносимая для мага тишина собственной души. Именно в такой камере содержался третий нападавший, тот, которого Каэлан взял живём.

Каэлан стоял за односторонним зеркалом из затемнённого кристалла, наблюдая, как командора Ториан ведёт допрос. Пленный, лишённый маскировочной мантии, оказался мужчиной лет сорока с жёстким, невыразительным лицом наёмника. Он сидел на единственном стуле в центре пустой комнаты, скованный наручниками, подавляющими любые магические импульсы.

Ториан не кричал. Он не угрожал. Он просто сидел напротив, положив на стол тонкую папку, и говорил тихим, ровным голосом.

– Ваши товарищи, как вы уже знаете, пребывают в состоянии магического стазиса. Обратимое, в теории. Но для этого нужны специфические знания. Знания, которых у нас нет. Так что, по сути, они – уже памятники вашего провала.

Наёмник молчал, уставившись в стену.

– Мы знаем, что вы не простые «ловцы», – продолжил Ториан, листая папку. – У вас слишком хорошая подготовка, слишком дорогое снаряжение. Вы знали маршрут выездной практики. Значит, у вас есть информатор внутри Академии. Неприятно, но решаемо.

Никакой реакции.

Ториан вздохнул, как человек, которому надоела простая работа.

– Сэр Каэлан д'Арвен, как вы помните, был весьма... расстроен нападением на его студентку. Он готов применить более прямые методы. Магию памяти, например. Это больно. Очень. И оставляет после себя не человека, а пустую оболочку. Но он считает, что безопасность девушки того стоит. Я же предлагаю вам цивилизованный обмен. Вы говорите – мы гарантируем вам жизнь и... смягчение участи ваших окаменевших друзей. Возможно, даже их возвращение.

Каэлан за стёклами сжал кулаки. Он бы и в самом деле пошёл на всё, чтобы выяснить, кто стоит за угрозой Элире. Но Ториан играл в свою игру – игру на тонких струнах страха и расчёта.

Наёмник наконец пошевелился. Его глаза скользнули по Ториану.

– Девчонка... что она такое сделала? – его голос был хриплым от долгого молчания.
– Это не ваше дело, – холодно парировал Ториан. – Ваше дело – рассказать, кто ваш наниматель.

Прошло ещё несколько минут тягостного молчания. Потом наёмник, кажется, смирился с неизбежным или рассчитал шансы.

– Нас наняли через три посредника. Контакт – тeneвая лавка «Ржавый ключ» в портовом районе. Деньги платили золотом без гербов. Задание: взять живьём рыжеволосую первокурсницу по имени Элира с выездной практики. Особый приказ: не причинять вреда. Требовалась именно целая и невредимая.

Каэлан почувствовал, как ледяная волна прокатилась по его спине. Именно целая и невредимая. Не для убийства. Для чего-то другого.

– Для чего? – тем же тоном спросил Ториан.
– Не говорили. Но... – наёмник заколебался. – Был намёк. Со стороны заказчика. Мол, «она может быть ключом». К чему – не знаю.

«Ключом». Слово повисло в воздухе, тяжёлое и зловещее.

– Кто ваш информатор в Академии? – Ториан не отступал.
– Не знаю имени. Контакт через зашифрованные сообщения в общедоступном скрипториуме. Кодовый знак – перевёрнутая ветка папоротника на титульном лице учебника по гербалистике. Сообщения появлялись раз в неделю, с указанием расписания групп и маршрутов выездных занятий.

Ториан кивнул, делая пометку. Внутренняя утечка. Это было серьёзно.

– И последнее, – Ториан закрыл папку. – Что-нибудь о заказчике. Хоть слух. Хоть тень.

Наёмник опустил голову, будто вспоминая.
– Деньги пахли... дымом. Не обычным дымом. Сладковатым. Как от редких благовоний. И переговорщик, через третьи руки... у него была манера речи. Очень правильная, но с акцентом. Горным. С севера.

Север. Горный акцент. Каэлан и Ториан переглянулись через стекло. Земли дома Валерьев были на севере. И находились под управлением регента, герцога Малкора.

– Всё, – наёмник выдохнул, обмякнув. – Больше ничего не знаю.

Ториан встал.

– Ваша информация будет проверена. Если она правдива, условия будут соблюдены.

Они вышли в соседнюю комнату – кабинет Ториана, чуть более уютный, но не менее строгий.

– Итак, – Ториан опустился в кресло. – У нас есть: целевое похищение Элиры живой и невредимой, намёк на то, что она «ключ», деньги с северным, возможно, аристократическим

следом, и крот в Академии. И твоя студентка, способная инстинктивно творить заклинания уровня архимага.

Каэлан молча подошёл к небольшому боковому столу, где стоял графин с водой. Его руки слегка дрожали. Он налил себе стакан, сделал глоток, пытаясь подавить ярость и страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.